№ 7732, 97
МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Маленькие разсказы.

Лист. Мр

LV.
Осенний сезонъ.

Осенній сезонъ въ столицахъ обыкновенно начинается дождливой погодой и плоскими драматическими пьесами въ театрахъ. Такъ именно произошло на этихъ дняхъ въ Лесной. Жаркая погода сменилась холодомъ и дождемъ, на сценахъ актриссы первыя промышленныя новинки. Впрочемъ, нынѣшній осенній сезонъ въ театрахъ сопровождался особенными трескотнею, чему виной г. Коршъ, только что отправдавшій 15-ти-лѣтіе своего театра. Въ силу необходимости, скажу нѣсколько словъ по поводу этого 15-ти-лѣтія.

Прежде всего, я нисколько не противъ юбилеевъ театра Корша—15, 20, 30-ти-лѣтіе Москвы, чрезвычайно любящую посмѣяться въ свободное время. Отчего не праздновать юбилеи театру, если даже февраля и панаи различныхъ фирмъ иногда съ полной пранкъ свои юбилеи? Театръ Корша заслуживаетъ чествованія; не безъ пользы его создатель-антрепренеръ, его труппа и чуть особенный жанръ, какимъ насыщена вся атмосфера этого театра. Г. Коршъ, начавъ свою дѣятельность арендой нѣмецкаго театра г-жи Бренко, еще въ той почтенной должности умудрялъ суть и соль антрепризы. Самая сия собственно драматическое дѣло, онъ долго отчаянъ публику отъ «жестокой трагедіи» и серьезной драмы и, въ конца-концовъ, повторяетъ: «Вотъ театръ сдѣлался популярнѣ и охотно посѣщается; у театра Корша образовалась свита, корпоративная, труппа, а такое свое, особенная, публика; скажъ г. Коршъ наконецъ, какъ антрепренеръ авторитетный, честно распечатывающійся съ актерами, сколько свое дѣло и отличительный на всякую театральную клоду дня. Всѣ эти качества, разумѣется, появились и заслуживаютъ чествованія въ день юбилея. Однакожъ но поемъ нужно соблюдать мѣру; иному талантъ, сколько-нибудь—два. Во время шумнаго праздника въ Богословскомъ переулкѣ, чествовался вакуумъ мѣру любви и г. Корша съ его театромъ увѣчаны такими жарами, что даже становится нѣсколько смѣшно. На праздникѣ нашлось много трогутыхъ ораторовъ, которые разрѣшили воинныя фразы и стихотворенія—«экспромтами».

Если сказать, что всѣ тѣ пьесы, которыя были выставлены, то г. Коршъ для Москвы оказывается тѣмъ-то въ родѣ отца, воспитателя, учителя, покровителя, поставщика, врачевателя душъ и сердецъ, создателя обращаемаго русскаго частнаго театра, благороднѣйшаго изъ благородѣйшихъ представителей антрепризы; а одинъ трогутый ораторъ «отъ лица московской публики» произнесъ: «Спасибо, спасибо!»

Если—«На нашу долю, высокоуважаемый Ѳедоръ Адамовичъ, выпалъ счастливый случай приятствовать вашъ юбилей. Мы рады засвидѣтельствовать вамъ, что въ этотъ долгій, 15-ти-лѣтній періодъ вашъ театръ стоялъ всегда на высотѣ своего значенія; онъ былъ гордостью москвичей; онъ волновалъ; онъ развлекалъ въ минуты горя и доставлялъ истинное наслажденіе въ минуты отдыха. Имѣя лучшіе таланты и силы драматическаго искусства, вы неоднократно слышали въ стѣнахъ вашего театра звуки и вдохновенного сигна и видали молодыхъ силы...» и такъ далѣе, и такъ далѣе. Слова говорившаго вызвали бурю восторговъ.

Что сказать на такую шаблонную рѣчь? О какой «высотѣ своего значенія» говоритъ про театръ Корша ораторъ? О той разнѣ, что фарсы театра Корша настолько проникнулись своею пошлостью, что даже на сцѣдѣ сценическихъ дѣятелей они были осуждены самими артистами, принуждавшими ихъ разыгрывать? Вообще, трогутый ораторъ, умолчалъ, многаго не полезнаго, что-чего не договорилъ, о какоторомъ позабылъ и т. п.

Перефразируя эту рѣчь, можно было бы сказать такъ: за пятнадцать лѣтъ «фарсы-водевиля» марша своей дѣятельности, театръ Корша стоялъ всегда на высотѣ своего значенія: «вѣчная дѣло отъ бездѣльевъ, сорвиголову помадно съ шарлаиъ, приготовляетъ скорпку въ Мясницкаго, Разсошина, Мартина; въ утренникахъ давалъ Гоголя, Островскаго и Островскаго, выворачивая творчествомъ въ рамкахъ «Летнихъ Чтеній» и т. п.; такой театръ всегда будетъ гордостью толстокожихъ москвичей» и т. п.

Но время шумнаго праздника въ Богословскомъ переулкѣ, чествовается вакуумъ мѣру любви и г. Корша съ его театромъ увѣчаны такими жарами, что даже становится нѣсколько смѣшно. На праздникѣ нашлось много трогутыхъ ораторовъ, которые разрѣшили воинныя фразы и стихотворенія—«экспромтами».

Если сказать, что всѣ тѣ пьесы, которыя были выставлены, то г. Коршъ для Москвы оказывается тѣмъ-то въ родѣ отца, воспитателя, учителя, покровителя, поставщика, врачевателя душъ и сердецъ, создателя обращаемаго русскаго частнаго театра, благороднѣйшаго изъ благороднѣйшихъ представителей антрепризы; а одинъ трогутый ораторъ «отъ лица московской публики» произнесъ: «Спасибо, спасибо!»

«На нашу долю, высокоуважаемый Ѳедоръ Адамовичъ, выпалъ счастливый случай приятствовать вашъ юбилей. Мы рады засвидѣтельствовать вамъ, что въ этотъ долгій, 15-ти-лѣтній періодъ вашъ театръ стоялъ всегда на высотѣ своего значенія; онъ былъ гордостью москвичей; онъ волновалъ; онъ развлекалъ въ минуты горя и доставлялъ истинное наслажденіе въ минуты отдыха. Имѣя лучшіе таланты и силы драматическаго искусства, вы неоднократно слышали въ стѣнахъ вашего театра звуки и вдохновенного сигна и видали молодыхъ силы...» и такъ далѣе, и такъ далѣе. Слова говорившаго вызвали бурю восторговъ.

Что сказать на такую шаблонную рѣчь? О какой «высотѣ своего значенія» говоритъ про театръ Корша ораторъ? О той разнѣ, что фарсы театра Корша настолько проникнулись своею пошлостью, что даже на сцѣдѣ сценическихъ дѣятелей они были осуждены самими артистами, принуждавшими ихъ разыгрывать? Вообще, трогутый ораторъ, умолчалъ, многаго не полезнаго, что-чего не договорилъ, о какоторомъ позабылъ и т. п.

Перефразируя эту рѣчь, можно было бы сказать такъ: за пятнадцать лѣтъ «фарсы-водевиля» марша своей дѣятельности, театръ Корша стоялъ всегда на высотѣ своего значенія: «вѣчная дѣло отъ бездѣльевъ, сорвиголову помадно съ шарлаиъ, приготовляетъ скорпку въ Мясницкаго, Разсошина, Мартина; въ утренникахъ давалъ Гоголя, Островскаго и Островскаго, выворачивая творчествомъ въ рамкахъ «Летнихъ Чтеній» и т. п.; такой театръ всегда будетъ гордостью толстокожихъ москвичей» и т. п.

Но время представленій новой пьесы г. Нотовича, на сценѣ Малаго театра были другія новинки, болѣе удачныя. Я говорю о суфлерской бумѣ г. Гарина-Виндинга; это будущая усовершенствованная: суфлеръ говоритъ не шопотомъ, а вслухъ, но публика его такъ не слышитъ, какъ и прежде. Если театръ пусть—голосъ суфлера слышнѣе; тогда сборъ послѣдняго поистинѣ сдѣлается публикѣ: какъ артистамъ—Божья благодать... Но я полагаю, что пока усовершенствованія г. Гарина-Виндинга не въ томъ, что артистамъ легче пріучить подъ суфлера, говорящаго громко: тутъ важнѣе, что самъ суфлеръ перестанетъ шептать; обыкновенная рѣчь утомляетъ, если она долга и однообразна; но долгое и упорное шептаніе очень опасно и можетъ довести до чахотки. Есть въ этой точкѣ зрѣнія бумаги г. Гарина-Виндинга можетъ назваться полезнымъ новшествомъ. Хуже принялся въ петербургскихъ Императорскихъ театрахъ, теперь пробуютъ въ Москвѣ. Артистъ Гарина-Виндинга, какъ видно, мастеръ на всѣ руки: онъ и благотворительные обстрѣлы издаетъ, и въ русскомъ театральномъ обществѣ дѣйствуетъ, теперь вотъ будетъ полезную сонаѣ-ствовать, Левицкій и другіе начнутъ не одѣвали въ своихъ ролей, а г. Кудинцевъ, какъ прокуроръ на пантеръ, разнообразнѣе точки-зрѣнія такъ выдѣлюнуто типа генералъ прокурора въ провинціи.

Кстати, одно замѣчаніе: артисты всѣхъ московскихъ театровъ, играя переводныя пьесы, произношаютъ имена и фамиліи на французскій ладъ, т.-е. букву «н» говорятъ въ носъ: Жанъ Вальжанъ и т. д. Не сложно-то это имена совершенно по просту: Жана Вальжана, Жану Вальжану и т. д. Но поему, играя пьесу на русскомъ языкѣ, слѣдуетъ, не чинясь, произносить иностранныя имена и слова просто, какъ это у насъ водится въ обиходѣ, напримѣръ: идеи, домовъ, телеграмма, Жанъ Вальжанъ, а не идеи, домовъ, телеграмма, Жанъ Вальжанъ. Русскіе артисты, не взирая на свои выдающіе таланты, въ большинствѣ случаевъ, обладаютъ убѣжденнымъ произношеніемъ. Послѣдній такъ рѣзкетъ ухо слушателя, что, право, лучше оставить эту салонную манеру и говорить на нашемъ богатомъ русскомъ языкѣ такъ, какъ говорятъ, вообще, въ средствѣ міра, т.-е. грамотно, безъ преувеличенныхъ и безъ особенныхъ деликатесовъ. Прогулки на сценѣ лучше гуляющей.

Не всѣ представленія новой пьесы г. Нотовича, на сценѣ Малаго театра были другія новинки, болѣе удачныя. Я говорю о суфлерской бумѣ г. Гарина-Виндинга; это будущая усовершенствованная: суфлеръ говоритъ не шопотомъ, а вслухъ, но публика его такъ не слышитъ, какъ и прежде. Если театръ пусть—голосъ суфлера слышнѣе; тогда сборъ послѣдняго поистинѣ сдѣлается публикѣ: какъ артистамъ—Божья благодать... Но я полагаю, что пока усовершенствованія г. Гарина-Виндинга не въ томъ, что артистамъ легче пріучить подъ суфлера, говорящаго громко: тутъ важнѣе, что самъ суфлеръ перестанетъ шептать; обыкновенная рѣчь утомляетъ, если она долга и однообразна; но долгое и упорное шептаніе очень опасно и можетъ довести до чахотки. Есть въ этой точкѣ зрѣнія бумаги г. Гарина-Виндинга можетъ назваться полезнымъ новшествомъ. Хуже принялся въ петербургскихъ Императорскихъ театрахъ, теперь пробуютъ въ Москвѣ. Артистъ Гарина-Виндинга, какъ видно, мастеръ на всѣ руки: онъ и благотворительные обстрѣлы издаетъ, и въ русскомъ театральномъ обществѣ дѣйствуетъ, теперь вотъ будетъ полезную сонаѣ-ствовать, Левицкій и другіе начнутъ не одѣвали въ своихъ ролей, а г. Кудинцевъ, какъ прокуроръ на пантеръ, разнообразнѣе точки-зрѣнія такъ выдѣлюнуто типа генералъ прокурора въ провинціи.

Кстати, одно замѣчаніе: артисты всѣхъ московскихъ театровъ, играя переводныя пьесы, произношаютъ имена и фамиліи на французскій ладъ, т.-е. букву «н» говорятъ въ носъ: Жанъ Вальжанъ и т. д. Не сложно-то это имена совершенно по просту: Жана Вальжана, Жану Вальжану и т. д. Но поему, играя пьесу на русскомъ языкѣ, слѣдуетъ, не чинясь, произносить иностранныя имена и слова просто, какъ это у насъ водится въ обиходѣ, напримѣръ: идеи, домовъ, телеграмма, Жанъ Вальжанъ, а не идеи, домовъ, телеграмма, Жанъ Вальжанъ. Русскіе артисты, не взирая на свои выдающіе таланты, въ большинствѣ случаевъ, обладаютъ убѣжденнымъ произношеніемъ. Послѣдній такъ рѣзкетъ ухо слушателя, что, право, лучше оставить эту салонную манеру и говорить на нашемъ богатомъ русскомъ языкѣ такъ, какъ говорятъ, вообще, въ средствѣ міра, т.-е. грамотно, безъ преувеличенныхъ и безъ особенныхъ деликатесовъ. Прогулки на сценѣ лучше гуляющей.

Но самыя